

БЫВАЕТ так в жизни актера, что особо полюбившаяся публике роль становится его своеобразной визитной карточкой. Так случилось и с Леонидом БРОНЕВОЙ - для многих из нас он прежде всего Мюллер из "Семнадцати мгновений весны".

МЮЛЛЕР ВМЕСТО ГИТЛЕРА

- МЮЛЛЕРА вы сыграли так, что он стал народным любимцем.

- Настолько, что, когда меня узнают люди на улице, говорят: "Смотри, Мюллер пошел".

- А ведь сначала вам предлагали сыграть не Мюллера, а Гитлера...

- Не только предлагали. Сделали фотопробу. Был наложен хороший грим. У меня дома есть фотография - похож поразительно.

- ...но ваша жена сказала: "В крайнем случае я согласна на Мюллера, но не на Гитлера".

- Я бы не послушал ее, конечно, если бы роль Гитлера была выписана психологически, как роль Мюллера. Когда смотришь на Гитлера, думаешь: почему он стал таким? Что сделало его диктатором? Если бы подобные мысли возникали при взгляде на Гитлера в "Семнадцати мгновениях весны", безусловно, я стал бы его играть.

- Леонид Сергеевич, правда ли, что блестяще сыгранный вами нервный тик Мюллера - результат того, что вам был тесен мундир?

- Абсолютная правда. Действительно, мне сшили мундир, наверное, на размер меньше, чем надо, и он резал постоянно вот здесь (Леонид Сергеевич показал на шею). Из-за этого я все время дергал головой. Лиознова поэтому и спросила меня: "Что это вы делаете?" - "Да мне мундир режет". - "Я не к тому, что вам режет! Не сделать ли это нам краской в самых "нервных" местах?" И она нашла эти места... Кстати, это очень понравилось Захарову. Он говорил потом актерам: "Видите, как можно без слов передать нервное состояние человека?"

- За полгода до съемок "Семнадцати мгновений весны" вы выучили не только свою роль, но и роль Тихонова с помощью вашей жены: то она читала монолог Штирлица, а вы Мюллера, то наоборот. Вы всегда так учите роли?

- Нет, это был единственный раз. Монологи были огромные, и ничего нельзя было выкинуть, все были очень хорошие. Так что я попросил жену помочь. Читала, конечно, ночами, днем-то на работе, и она, бедная моя, так вымоталась... Но мне надо было знать текст Штирлица - тогда я могу точно среагировать, выбрать правильную интонацию, жест.

- Вам везет на роли сильных мира сего. Гитлера вам предлагали играть, Лениным и Сталиным побывали на сцене. Однажды после спектакля "Кремлевские куранты", где вы играли Сталина, вам плохо стало - зал впервые не встретил вас аплодисментами.

- Да, это было ужасно. Вы знаете, что такое для актера молчание зрителей при его выходе на сцену, если до этого зал просто взрывался аплодисментами?! Помню, на первых спектаклях мне казалось, что пушки стреляют (а это было в Театре имени Лермонтова, в Грозном, были деревянные сиденья, и оттого, что все резко

вставали, стоял ужасный грохот). Такие овации! Бо-оже мой... И вдруг, представляете, на одном спектакле - тишина. Абсолютная. Конечно, с меня пот градом. Пробормотал, помню, что-то и ушел. Лег за кулисами. Что произошло? Первая мысль была: наверное, у меня расстегнулась ширинка. Все. Это расстрел. Смотрю -

важный гость говорит Шишигину: "А у тебя другого Ленина нет?" Тот заволновался: "Да есть тут один..." - "Так что же ты?! Где он?" Шишигин как закричит: "Где этот, как его? Береговой, Броневой, Боровой!" - "Я здесь", - говорю. "Спускайтесь вниз немедленно". Шишигин меня спрашивает: "Ты мог бы сей-

всем нравится". На другое утро звонок: "Вас беспокоят из горкома партии. Сейчас за вами пришлют машину". С ума сойти: за мной - машину! Приезжаю. Сидят секретарь и председатель горисполкома. "Вот вам ключи от двух квартир и машина - идите выберите". И то ли от страха перед этой машиной, то ли перед всеми эти-

мейку. Но я нарушал этот закон неписаный. Выиграю рубль и ухожу. "Ах, ты..." - меня матом как пошлют. Я им объяснял, в чем дело, и потом мне начали прощать то, что с выигрышем я уходил.

- Режиссеры жалуются, что уж очень беспокойный вы актер: сначала требуете полнейшей экспозиции сценария, потом целый день идет трактовка роли, далее - бесконечные звонки с предложениями, замечаниями...

- Ну, конечно. Я самоед. Чем больше играю, тем больше мои требования к самому себе. В молодости был легкомысленным: дали красивые сапоги, замаршировал браво, и все прекрасно. Сейчас все совсем по-другому: долго обдумываю роль, слова, в общем, начинаю жить ею. Другим я прощаю огрехи - никогда не клеймлю, не делаю замечаний, если только сами не спросят. А к себе бес-по-ща-ден.

- Инна Чурикова как-то сказала, что у нее в "Ленкоме" бывали моменты, когда она чувствовала, что не нужна Захарову: он, бывает, так увлекается текущей работой, что забывает о тех, кто не занят в ней. У вас таких моментов не было?

- Вы понимаете, актер - мнительный, нервный человек. Бывало, тоже щемило, когда не играл. Одно время я был задействован только в "Мудреце". В одной передаче меня спросили: "Что бы вы сделали, если бы были главным режиссером, а Захаров - вашим актером?" Я пошутил в ответ: "Дал бы играть ему столько, сколько он мне". После этого Марк Анатольевич надавал мне столько ролей... Говорит: "Жаловались? Пожалуйста!" - "Я не жаловался! Я пошутил". - "Нет. В каждой шутке есть доля правды". Я молчу, играю. Потому что нельзя признаваться в своей слабости: никого не волнует, что ты себя плохо чувствуешь. У нас жесткая профессия - в любом возрасте нужно соответствовать молодым. Поэтому я никогда не прошу второй состав.

- А как вы поддерживаете форму, снимаете стрессы?

- Я придерживаюсь того, что сказал Черчилль, когда его спросили, как он дожил до девяноста лет. Он ответил: "Каждый день бутылку армянского коньяку, три сигары, но самое главное - никакой физкультуры".

- Леонид Сергеевич, Тихонова страшно раздражают анекдоты про сладкую парочку "Штирлиц - Мюллер". Вас тоже?

- Нет, абсолютно! Я их очень люблю. Они бывают такие забавные.

- Расскажите что-нибудь эдакое?

- Конечно. Вот, например: Штирлиц выстрелил в Мюллера. Пуля отскочила. "Броневой", - подумал Штирлиц.

Ольга ШАБЛИНСКАЯ

"Я играл в домино на Тверском, чтобы прокормиться"

Аргументы и факты. - 1997, - нояб. (№ 46) - с. 3

нет, все нормально. И грим в порядке. Подошел Тиханович - главный режиссер. Я говорю: "Что же это такое я сделал сегодня?" - "Да ничего ты не сделал! Там просто КГБ сидит - они получили закрытое письмо, разоблачающее Сталина. Это был целевой спектакль, вот никто и не хлопал при твоём выходе". - "Предупредить же надо! Меня чуть удар не хватил". Тиханович удивился: "Ну не всех же пре-

дупреждать. Ты ведь тем более беспартийный". - "Постойте... А как же наша Сталинская премия?" - "Все, тютю наша премия. Накрылась!" Я спрашиваю: "И как теперь мне играть послезавтра?" - "Так и играть! Только никаких усов". А Добротину, который Ленина играл, сказал: "А вы скажите, что просите зайти к себе не товарища Сталина, а референта". Так я и играл - с тем же текстом, но уже референта, немножко подхалимничая.

ЗА ЛЕНИНА - КВАРТИРУ

- ГОВОРЯТ, в Воронеже вы так здорово сыграли Ленина, что вам за это даже дали на выбор две квартиры.

- Дело было так: приехал я с беременной женой в Воронеж. Сняли в гостинице маленький номерок. Режиссер театра, в который меня пригласили играть, Шишигин, говорит мне: "Ты кого хочешь играть в таком-то спектакле?" - "Ленина". - "Ленина Ожигин будет играть". - "Тогда я прошу меня вообще не занимать". Но почему-то ходил на все репетиции - сидел на галерке. Зачем - не знаю, ведь уже было отказано в роли. Выучил текст. И вот однажды в театре постелили красные дорожки - приехал какой-то большой начальник. Начался спектакль. Степа Ожигин то ли растерялся, то ли неважно себя чувствовал - не понравилась его игра. В конце спектакля наш

играет". Степа в больницу попал, бедняга.

А я играл. И вот однажды опять разложили красные дорожки. Я отыграл первый акт. Прибегает директор: "Спускайтесь скорее вниз!" А я поправляю грим Ленина. "Да быстрее, быстрее!" Не успев поправить грим, конечно, бегу. На первом этаже толпа: секретарь обкома, начальник КГБ, командующий военным округом. Но никто не входит в комнату, в ней - человек маленького роста в сером костюме. Потом я узнал, что это был секретарь ЦК КПСС Аверкий Борисович Аристов. Он пожал мне руку и, обращаясь к стоящим в дверях, сказал: "Ленин

ми "пишками" я выбрал худшее, что мог.

Но я все равно благодарен этой квартире, потом обменял ее на коммуналку в Москве. Когда мы наконец въехали в малюсенькую комнатку в коммуналке, были не то что счастливы - это мягко сказано, - были чуть ли не на небесах от восторга. Центр Москвы - Средний Кисловский переулок. Но потом оказалось, что в той квартире было восемнадцать жильцов и из них семь детей... Ужас. В субботу в туалет было не пробиться - надо же всех их пропустить.

И только спустя много лет мне да-

ли маленькую двухкомнатную квартирку. Дуров надо мной шутит: "Все, чего ты добился, это двухкомнатной квартиры". Да мне больше ничего и не надо! Я человек самоограничения.

АКТЕР - ПРОФЕССИЯ ЖЕСТОКАЯ

- ЛЕОНИД Сергеевич, правда ли то, что, когда вас не взял на гастроли Театр имени Пушкина, вы, чтобы прокормить семью, зарабатывали на Тверском бульваре игрой в домино?

- Правда. Зарабатывал на Тверском бульваре рубль в два дня... Это, конечно, смешно, но все-таки две буханки хлеба по пятнадцать копеек, пакет молочка или творожку. А вы знаете, какие правила в игре домино? Если ты выиграл, то не имеешь права покинуть ска-

Фото Михаила Грушина